

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО САХНОВСКИЙ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 21272/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

2 ноября 2010 года

Это решение является окончательным, однако в него могут быть внесены редакционные изменения

По делу Сахновский против России

Европейский Суд по правам человека, заседая Большой палатой в составе:

Жан-Поль Коста, *Председатель*,
Николас Братца,
Пер Лоренсен,
Франсуаза Тюлькенс,
Жозеп Касадеваль,
Иренеу Кабрал Баррету,
Боштян М. Зупанчич,
Анатолий Ковлер,
Давид Тор Бьоргвинссон,
Дануте Йочиене,
Драголюб Попович,
Марк Виллигер,
Изабель Берро-Лефевр,
Пяйви Хирвела,
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Леди Бианку,
Энн Пауэр, *судьи*,

и Майкл О'Бойл, *заместитель секретаря-канцлера*,

посовещавшись при закрытых дверях 20 января 2010 года и 22 сентября 2010 года,

вынес следующее постановление, принятое в последний указанный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№ 21272/03) на Российскую Федерацию, поданной в Суд на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ("Конвенция") гражданином России г-ном Сергеем Вениаминовичем Сахновским ("заявитель") 18 апреля 2003 года.

2. При рассмотрении Палатой заявитель получил разрешение представлять себя сам. При рассмотрении Большой палатой заявитель был освобожден от оплаты юридической помощи. Его представляли г-жа К.Москаленко и г-жа О.Преображенская, адвокаты, практикующие в Москве, а также г-жа Н.Лисман, адвокат, практикующая в Бостоне (Соединенные Штаты Америки). Правительство России ("Правительство") первоначально представляла г-жа В.Милинчук, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, а затем уполномоченный г-н Г.Матюшкин.

3. Заявитель утверждал, в частности, что разбирательство его уголовного дела проходило с нарушением статьи 6 §§ 1 и 3 (с) Конвенции, жалуясь на то, что при кассационном рассмотрении ему не был предоставлен бесплатный защитник и, более того, он не мог эффективно защищать себя, поскольку общался с судом кассационной инстанции посредством видеосвязи.

4. Жалоба была передана в Первую секцию Суда (правило 52 § 1 Регламента Суда). На основании правила 26 § 1 в этой секции была сформирована Палата для рассмотрения дела (прежняя статья 27 § 1 Конвенции, ныне – статья 26).

5. 15 января 2009 года Палата этой секции, сформированная из следующих судей: Христос Розакис, Анатолий Ковлер, Элизабет Штейнер, Дин Шпильман, Сверре Эрик Йебенс, Джорджо Малинверни и Георге Николау, при содействии секретаря секции Сорена Нильсона рассмотрела дело на приемлемость и по существу (прежняя статья 29 § 3 Конвенции, ныне – статья 29 § 1). Для рассмотрения по существу Палата включила возражения Правительства относительно статуса жертвы заявителя, объявила жалобы на основании статьи 6 Конвенции приемлемыми и единогласно постановила, что имело место нарушение статьи 6 §§ 1 и 3 (с) Конвенции в связи с тем, что заявитель не получил эффективной помощи защитника при кассационном рассмотрении его уголовного дела. Она присудила компенсацию морального вреда. Другие жалобы были признаны неприемлемыми. Судьи Розакис, Шпильман и Малинверни выразили совместное совпадающее мнение, которое было приложено к постановлению.

6. В соответствии со статьей 43 Конвенции и правила 73 4 мая 2009 года правительство подало прошение о направлении дела на рассмотрение Большой палаты. 14 сентября 2009 комитет Большой палаты принял прошение.

7. Состав Большой палаты был определен в соответствии с положениями прежней статьи 27 §§ 2 и 3 (ныне статья 26 §§ 4 и 5) Конвенции и правила 24 Регламента Суда. На завершающем заседании запасная судья Энн Пауэр заменила Ренате Йегер, которая не смогла участвовать в дальнейшем рассмотрении дела (правило 24 § 3).

8. Заявитель и правительство каждый представили свои соображения по существу дела.

9. Открытое слушание состоялось 20 января 2010 года во Дворце прав человека в Страсбурге (правило 59 § 3).

В открытом слушании участвовали:

(a) *со стороны правительства*

Г-н Н.МИХАЙЛОВ, заместитель руководителя Представительства
уполномоченного Российской Федерации, *агент,*
Г-жа Т.КОРОЛЬКОВА,
Г-жа Ю.ЦИМБАЛОВА, *советники;*

(b) *со стороны заявителя*

Г-жа К.МОСКАЛЕНКО,
Г-жа Н.ЛИСМАН, *адвокаты,*
Г-жа О.ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ, *советник.*

В Суде выступили г-жа Москаленко, г-жа Лисман и г-н Михайлов.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявитель родился в 1979 году. В настоящее время он отбывает наказание в Новосибирской области.

A. Первое разбирательство дела

11. 30 апреля 2001 года заявитель был задержан по подозрению в убийстве своих отца и дяди. Заявитель в письменном виде ходатайствовал о предоставлении бесплатного адвоката. В тот же день были проведены экспертиза отпечатков пальцев и судебно-медицинская экспертиза, и 3 мая 2001 года заявитель был взят под стражу.

12. 4 мая 2001 года адвокат П. была назначена для оказания помощи заявителю, и 10 мая 2001 года ему было предъявлено обвинение в убийстве при отягощающих обстоятельствах.

13. С мая по сентябрь 2001 года был проведен ряд экспертиз. Впоследствии заявителю были предъявлены копии постановлений о проведении этих экспертиз. Он их все подписал, подтверждая предъявление и указывая, что у него нет замечаний или ходатайств.

14. 30 сентября мера пресечения в виде содержания под стражей была отменена и заменена на подписку о невыезде.

15. В октябре 2001 года бывший сокамерник заявителя в следственном изоляторе г-н З. дал показания о том, что заявитель

подробно рассказывал ему, как он убил своего отца и другого человека.

16. В неизвестное время друг заявителя г-н Р. дал показания, утверждая, что заявитель просил его убить своего отца, а когда Р. отказался, он, похоже, выразил намерение сделать это сам.

17. 5 ноября 2001 года заявитель был вновь взят под стражу.

18. 20 декабря 2001 года Новосибирский областной суд рассмотрел уголовное дело заявителя. Заявитель утверждал о своей невинности. Суд заслушал семнадцать свидетелей, включая З. и Р., и постановил, что заявитель виновен в убийстве двух лиц, приговорив его к восемнадцати годам лишения свободы. В приговоре суд ссылался на показания свидетелей, заключения судебно-медицинских экспертиз и многочисленные вещественные доказательства.

19. Заявитель и его адвокат подали кассационную жалобу, утверждая, что З. и Р. дали свои показания под давлением милиции и что расследование проведено с многочисленными нарушениями права заявителя на защиту. Они также жаловались на то, что постановления о проведении экспертиз им были предъявлены с опозданием.

20. 12 мая и 29 июля 2002 года заявитель ходатайствовал о назначении другого адвоката для защиты в суде кассационной инстанции, поскольку г-жа П. не могла присутствовать на заседании в связи с занятостью в другом процессе.

21. В неизвестное время заявитель был извещен, что его участие в кассационном слушании будет обеспечено посредством видеосвязи. 26 и 30 июля 2002 года он ходатайствовал о разрешении лично присутствовать на кассационном слушании, поскольку не считал, что видеосвязь обеспечит его должное участие в судебном заседании.

22. 16 октября 2002 года Верховный Суд Российской Федерации дал указание московскому следственному изолятору ИЗ-77/3 обеспечить участие заявителя в кассационном слушании, которое должно было состояться 31 октября 2002 года посредством видеосвязи.

23. 31 октября 2002 года Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел кассационную жалобу заявителя. Заявитель участвовал в слушаниях посредством видеосвязи. У него не было защитника при этих слушаниях. Суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя, не установив доказательств того, что показания З. и Р. были недостоверными. Что касается предполагаемого нарушения права на защиту, то суд нашел эти утверждения необоснованными.

24. В последующие месяцы заявитель подал несколько надзорных жалоб. В письмах от 24 апреля и 19 ноября 2003 года Новосибирская прокуратура и Генеральная прокуратура информировали заявителя, что они отказывают в принятии к рассмотрению его жалоб. Новосибирская прокуратура, в частности, отметила, что право заявителя на участие в кассационном слушании было полностью

обеспечено. 2 июля 2003 года судья Верховного Суда Р. отказался возбудить надзорное производство по жалобе заявителя. Это решение было подтверждено Председателем Верховного Суда 5 декабря 2003 года. 4 февраля 2004 года еще одна надзорная жалоба заявителя была возвращена ему без рассмотрения со ссылкой на предыдущие решения на этот счет.

В. Надзорное рассмотрение и второе разбирательство дела

25. 26 марта 2007 года Суд принял решение коммуницировать жалобу правительству России. 4 июля 2007 года Президиум Верховного Суда удовлетворил надзорное представление Заместителя Генерального Прокурора и отменил кассационное определение Верховного Суда от 31 октября 2002 года. Президиум установил, что в ходе рассмотрения кассационной инстанцией право заявителя на защитника было нарушено, и направил дело на новое кассационное рассмотрение.

26. Заявитель ходатайствовал о личном участии в рассмотрении его кассационной жалобы. 10 августа 2007 года Верховный Суд в составе трех судей дал ему разрешение на личное участие и постановил временно перевести его из колонии в Новосибирской области в следственный изолятор Новосибирска (более 3000 км от Москвы) для того, вероятно, чтобы позволить ему воспользоваться видеосвязью.

27. 20 августа 2007 года заявитель направил новую кассационную жалобу. Он просил Верховный Суд рассмотреть его дело только на основе этой жалобы, а также просил разрешения лично, а не посредством видеосвязи, участвовать в рассмотрении его кассационной жалобы.

28. 29 ноября 2007 года Верховный Суд в Москве рассмотрел дело. Вначале он рассмотрел ходатайства заявителя от 20 августа 2007 года. В отдельном определении по процедуре суд установил, что нет оснований для принятия новой кассационной жалобы заявителя и принял решение рассмотреть дело на основе жалобы от 2002 года, поданной бывшим адвокатом заявителя г-жой П. Суд также отклонил ходатайство о личном участии, указав, что видеосвязи будет достаточно для того, чтобы заявитель мог следить за разбирательством, вносить возражения и делать другие заявления, и что эта форма участия будет не менее эффективной, чем если бы он лично присутствовал в зале суда. Затем Верховный Суд представил заявителя его новому назначенному адвокату г-же А., которая находилась в зале заседания Верховного Суда, и предоставил им до начала слушаний пятнадцать минут для конфиденциального общения посредством видеосвязи. Все, находящиеся как в зале суда, так и в следственном изоляторе, покинули помещения.

29. Заявитель отказался от помощи г-жи А. на основании того, что ему необходима личная встреча со своим адвокатом. Верховный Суд, отметив, что заявитель не сослался на какие-либо расхождения с г-жой А. во мнении по поводу его защиты, не ходатайствовал о ее замене другим бесплатным адвокатом, не принял предложение Верховного Суда пригласить выбранного им самим адвоката, а также принимая во внимание, что предыдущее кассационное определение было отменено из-за отсутствия защитника, отклонил отказ заявителя от помощи адвоката. Таким образом, г-жа А. представляла заявителя на кассационном слушании.

30. В тот же день Верховный Суд рассмотрел дело по существу. Он оставил приговор Новосибирского областного суда от 20 декабря 2001 года без изменения, сделал одно исправление в тексте и исключив одно доказательство. Материальные заключения и мера наказания заявителю остались прежними.

II. ОТНОСИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Уголовно-процессуальный кодекс

31. Статья 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (вступил в силу с 1 июля 2002 года) предусматривает обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, если лицо обвиняется в серьезном преступлении, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Если защитник не приглашен самим обвиняемым, то ответственность за назначение бесплатного адвоката ложится на следователя, прокурора или суд. Статья 52 Кодекса предусматривает, что обвиняемый может отказаться от своего права на защитника, но такой отказ должен быть оформлен в письменном виде. В любой момент отказ может быть отозван.

32. Статья 373 Кодекса предусматривает, что суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобам законность, обоснованность и справедливость приговора. На основании статьи 377 §§ 4 и 5 Кодекса он может непосредственно исследовать доказательства, включая дополнительные материалы, представленные сторонами.

33. Статья 402 Кодекса (“Право обжалования вступивших в законную силу приговора, определения, постановления суда”) предусматривает следующее:

“1. Обвиняемый, осужденный, оправданный..., а также прокурор вправе ходатайствовать о пересмотре вступивших в законную силу приговора... в порядке, установленном настоящей главой.

2. Ходатайство прокурора именуется надзорным представлением. Ходатайства остальных участников именуются надзорными жалобами..”

34. Статья 406 Кодекса (“Порядок рассмотрения надзорных жалобы или представления”) предусматривает следующее:

“1. Надзорные жалоба или представление рассматриваются судом надзорной инстанции в течение 30 суток со дня их поступления .

2. В необходимых случаях судья, рассматривающий надзорные жалобу или представление, вправе истребовать... любое уголовное дело...

3. Изучив надзорные жалобу или представление, судья выносит одно из следующих постановлений:

(i) об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления;

(ii) о возбуждении надзорного производства и передаче надзорных жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции...

4. Председатель [соответствующего] суда вправе не согласиться с решением судьи об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления. В этом случае он отменяет такое решение и выносит постановление, предусмотренное пунктом 3 (ii) [см. выше]”.

35. Статья 412 Кодекса (“Внесение повторных надзорных жалоб или представлений”) предусматривает следующее:

“1. Внесение повторных надзорных жалоб или представлений в суд, ранее оставивший их без удовлетворения, не допускается.

2. Надзорные жалоба или представление на приговор, определение или постановление суда, вынесенные после отмены предыдущих решений в кассационном порядке или в порядке надзора, могут быть внесены в порядке, установленном настоящей главой, независимо от мотивов, по которым были отменены первоначальные приговор, определение или постановление суда.”

В относимой части статьи 413 Кодекса, устанавливающей процедуру возобновления производства по уголовному делу, говорится следующее:

“1. Вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

...

4. Новыми обстоятельствами являются:

...

(2) установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с:

(а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

(б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

....”

В. Прецеденты Конституционного Суда и Верховного Суда России

36. Исследуя соответствие статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Конституции, Конституционный Суд постановил следующее (Определение № 497-О от 18 декабря 2003 года):

“Часть первая статьи 51 УПК Российской Федерации, устанавливая случаи обязательного участия в уголовном деле защитника, не содержит каких-либо указаний на то, что ее положения не подлежат применению в стадии кассационного производства, в связи с чем может быть ограничено право осужденного на помощь адвоката (защитника)”.

37. Эта позиция впоследствии была подтверждена и развита в семи определениях, вынесенных Конституционным Судом 8 февраля 2007 года. Он установил, что бесплатный защитник на стадии кассационного производства должен предоставляться на тех же условиях, что и на более ранних этапах разбирательства дела, и что он обязателен при обстоятельствах, указанных в статье 51. Он далее подчеркнул обязанность судов обеспечить участие защитника в кассационном слушании.

38. 18 декабря 2003 года Конституционный Суд России отказал г-ну Р. в принятии к рассмотрению жалобы как неприемлемой. В своем определении Конституционный Суд постановил, *inter alia*^{*}, что статья 51 Уголовно-процессуального кодекса, которая определяет обстоятельства, при которых участие защитника в уголовном судопроизводстве является обязательным, относится также и к разбирательству в суде кассационной инстанции

39. В ряде случаев (постановления от 13 октября 2004 года, 26 января, 9 февраля, 6 апреля, 15 июня и 21 декабря 2005 года, 24 мая и 18 октября 2006 года, 17 января 2007 года, 3 сентября и 15 октября 2008 года) Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменял определения судов кассационной инстанции и направлял дело

* Между прочим, помимо прочего.

на новое рассмотрение на основании того, что суды не обеспечивали участие защитника в кассационном производстве, хотя обвиняемый обязан был иметь правого представителя. Такой подход был также подтвержден Президиумом Верховного Суда в Обзоре о судебной практике в третьем квартале 2005 года (Постановление от 23 ноября 2005 года) и в Постановлении Пленума Верховного Суда от 23 декабря 2008 года в редакции от 30 июня 2009 года. В последнем документе Верховный Суд особо подчеркнул, что обвиняемый может отказаться от своего права на адвоката только в письменном виде, но суд не связан таким отказом.

ЗАКОН

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Относительно предполагаемого не исчерпания внутренних средств правовой защиты

40. В своем прошении о направлении дела на рассмотрение Большой палаты правительство выдвинуло два предварительных возражения. Правительство утверждало, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении жалобы на второе кассационное производство. В частности, он не подал надзорную жалобу на определение от 29 ноября 2007 года. В обоснование своей позиции правительство ссылалось на решения Конституционного Суда России и Президиума Верховного Суда России по другим делам, в которых обвиняемые были лишены защитника на стадии кассационного производства (см. выше параграфы 38 - 39).

41. Заявитель оспаривал это, утверждая, что использование этого средства правовой защиты (рассмотрение в порядке надзора) – практически бесконечный процесс и по этой причине Европейский Суд не считает его “эффективным средством правовой защиты”. Кроме того, он утверждал, что его собственные усилия добиться рассмотрения надзорной жалобы на первое определение (от 2002 года) были тщетными до тех пор, пока Генеральная Прокуратура не почувствовала себя обязанной вмешаться после извещения о том, что заявитель обратился за помощью исправить допущенное нарушение в Европейский Суд.

42. Суд подтверждает, что он последовательно отказывался признать надзорную жалобу в качестве “эффективного средства

правовой защиты” в целях статьи 35 (см. *Бердзенишвили против России* (реш.), № 31697/03, ЕСПЧ 2004-II (отрывки); *Шулепов против России*, № 15435/03, § 23, 26 июня 2008 года; *Аджигович против России*, № 23202/05, § 21, 8 октября 2009 года и *Шилбергс против России*, № 20075/03, § 118, 17 декабря 2009 года). Такой подход в значительной степени основывается на процессуальной особенности рассмотрения в надзорном порядке в уголовном процессе России, которая не устанавливает какого-либо временного ограничения для возбуждения такого производства. В решении по делу *Бердзенишвили* Суд отметил, что по Уголовно-процессуальному кодексу надзорная жалоба может быть подана в любое время после вступления приговора в законную силу, даже годы спустя. Суд сделал вывод о том, что “если бы процедура рассмотрения в порядке надзора считалась средством правовой защиты, подлежащим исчерпанию, то создаваемая ею неопределенность сделала бы бессмысленным шестимесячное правило”.

43. Внутренние прецеденты, на которые сослалось правительство, не могут быть обоснованием его утверждения о том, что надзорная жалоба может быть эффективным средством правовой защиты. Даже если она сработала в каких-то других делах, она все же сохраняет процессуальные свойства, которые привели Суд к выводу о том, что это экстраординарное средство правовой защиты, а не часть обычного процесса исчерпания внутренних средств правовой защиты. Ни одно из решений, на которое сослалось правительство, не могло бы привести к автоматическому возобновлению производства по делу заявителя; доступ к Президиуму Верховного Суда все равно бы зависел от усмотрения судей или сотрудников прокуратуры и оставался бы, как выразился заявитель, “практически бесконечным процессом” из-за отсутствия временного ограничения.

44. В заключение Суд отмечает, что вопрос, разрешенный Конституционным Судом и Президиумом Верховного Суда, отличался от вопроса, стоящего в настоящем деле. Решения, упомянутые правительством, касались отказа в назначении бесплатного адвоката на стадии кассационного производства. Суд обращает внимание, что заявление правительства о не исчерпании внутренних средств правовой защиты касается второго кассационного рассмотрения, на котором заявителю был предоставлен адвокат для защиты. Центральный вопрос, поднятый перед Судом в отношении слушаний 29 ноября 2007 года, заключался не в отсутствии адвоката, а в эффективности ее правовой помощи. Ни одно из дел, на которое сослалось правительство, не касалось этого вопроса, и поэтому не могло быть основанием для заявителя в его надзорных жалобах.

45. Итак, Суд приходит к заключению, что надзорная жалоба на определение от 29 ноября 2007 года не была эффективным средством

правой защиты в целях исчерпания, предусмотренного статьей 35 § 1 Конвенции. Следовательно, возражения правительства должны быть отклонены.

В. Относительно статуса жертвы заявителя

46. Правительство утверждало, как и при разбирательстве в Палате, что благодаря возобновлению производства по делу заявителя в 2007 году он потерял свой статус жертвы в том, что касается первоначальной жалобы. Соответственно, любое последующее обстоятельство не должно попадать в сферу настоящего разбирательства и составляет новую жалобу.

47. Большая палата отмечает, что это возражение было исследовано Палатой в ее постановлении от 15 января 2009 года. Палата пришла к мнению, что оно тесно связано с существом жалобы заявителя на основании статьи 6 Конвенции. Большая палата не усматривает оснований для того, чтобы отойти от такого подхода. Действительно, определение статуса жертвы в большой степени зависит от правовой квалификации второго разбирательства или как отдельного дела, или, наоборот, как части того же уголовного дела. Это, как представляется, является принципиальным предметом разногласия. Суд, таким образом, считает необходимым присоединить возражение правительства относительно статуса жертвы к существу дела и рассмотреть их вместе.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 §§ 1 И 3 КОНВЕНЦИИ

48. Заявитель жаловался на то, что разбирательство его уголовного дела было несправедливым. В частности, он жаловался, что при рассмотрении кассационной инстанцией в 2002 году ему не был предоставлен защитник и что он контактировал с залом суда только по видеосвязи. Заявитель далее жаловался, что в ходе нового рассмотрения в порядке кассации в 2007 году, последовавшем за отменой ранее вынесенного определения, его права не были восстановлены. В частности, несмотря на его ходатайства, ему не было обеспечено личное присутствие в зале суда, и он был лишен эффективного общения с назначенным судом адвокатом. Заявитель обосновывал свои жалобы статьей 6 §§ 1 и 3 (с) Конвенции, в которой говорится следующее:

“1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство... судом...”

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника...”

А. Постановление Палаты

49. Основные выводы Палаты в ее постановлении от 15 января 2009 года могут быть суммированы следующим образом. Правительство признало и Палата подтвердила, что первое разбирательство, которое окончилось 31 октября 2002 года, не соответствовало гарантиям, касающимся защиты (§ 47 постановления). Далее, относительно кассационного слушания 29 ноября 2007 года, Палата установила, что “отсутствие личного контакта с заявителем на заседании и отсутствие какой-либо беседы с ним до заседания в сочетании с тем, что она должна была осуществлять защиту на основе положений кассационной жалобы, поданной пять лет назад другим адвокатом, свело участие г-жи А. в кассационном слушании к простой формальности” (§ 50). Неудовлетворенность заявителя способом, которым ему была организована помощь защитника, была достаточно ясно доведена до сведения Верховного Суда, была обоснована и правомерна в сложившихся обстоятельствах. Палата постановила, что заявитель по-прежнему может претендовать на статус жертвы по смыслу статьи 34 Конвенции, поскольку “Верховный Суд не обеспечил заявителю эффективное правовое представительство на кассационном слушании 29 ноября 2007 года, как и на предыдущем слушании” (§ 52). В результативной части постановления Палата признала, что “имело место нарушение статьи 6 §§ 1 и 3 (с) Конвенции в связи с тем, что заявитель не получил эффективной помощи защитника на кассационном слушании”.

В. Аргументы сторон

50. Аргументы сторон, поданные письменно и представленные устно в ходе слушаний 20 января 2010 года, могут быть обобщены следующим образом.

1. Правительство

(а) Утрата статуса жертвы

51. Главный аргумент правительства заключался в том, что отмена определения и сам факт повторного разбирательства *per se** является “достаточным исправлением” нарушения, жалоба на которое содержалась в первоначальном обращении в Суд. В обосновании этого оно ссылалось на ряд российских дел: *Понюшков против России*, № 30209/04, 6 ноября 2008 года; *Рябов против России*, № 3896/04, 31 января 2008 года; *Давидчук против России* (реш.), № 37041/03, 1 апреля 2008 года; *Михаил Бринзевич против России* (реш.), № 6822/04, 11 декабря 2007 года; *Бабунидзе против России* (реш.), № 3040/03, 15 мая 2007 года; *Федосов против России* (реш.), № 42237/02, 25 января 2007 года; *Никишина против России* (реш.), № 45665/99, 12 сентября 2000 года и *Wong против Люксембурга* (реш.), № 38871/02, 30 августа 2005 года.

52. Относительно второго разбирательства (слушание 29 ноября 2007 года) правительство утверждало, что даже если обжалованные обстоятельства и составляли нарушение статьи 6, то эти факты не имеют отношения к настоящему делу и должны быть представлены заявителем в новом обращении и коммуницированы правительству как отдельное дело. Правительство утверждало, что оно не имело возможности представить свои комментарии на это новое обращение.

(б) Отказ от защитника

53. Правительство настаивало, что права заявителя, закрепленные в статье 6 § 3 (с), не были нарушены в ходе кассационного слушания 29 ноября 2007 года. Государство не может нести ответственность за каждое упущение адвоката, назначенного для защиты. Правительство высказало мнение, что заявитель должен взять на себя последствия поведения г-жи А. (назначенного судом адвокатом) в ходе судебного разбирательства, выразившиеся в том, что она не ходатайствовала в письменном виде о запасном адвокате или об отложении заседания. Правительство далее заявляло, что заявитель не просил о личной встрече со своим адвокатом в дополнительной кассационной жалобе или в дополнительных ходатайствах, направленных в Верховный Суд до начала слушаний. Он не просил Верховный Суд заменить адвоката, а также не выражал пожелания быть представленным адвокатом, выбранным им самим. Правительство, как представляется, заявляло, что он должен был просить о замене адвоката на того, которому доверяет для того, чтобы воспользоваться благами системы

* Сам по себе, по существу.

бесплатной правовой помощи. Не сделав это, он отказался от своего права на защитника.

(с) Эффективная помощь защитника

54. Правительство заявляло, что сама г-жа А. не считала, что необходима личная встреча между нею и заявителем. Она восприняла свое назначение совершенно серьезно: заранее изучила дело и конфиденциально проконсультировалась с заявителем до начала слушания. Она не просила о личной встрече с заявителем; однако власти не могут указывать адвокатам, как защищать их клиентов и есть ли необходимость в личной встрече

55. Правительство далее утверждало, что претензии заявителя не имели никаких оснований. Г-жа А. достаточно изучила дело, и заявитель не высказывал несогласия с ее позицией по правовым вопросам. Верховному Суду он заявил, что хотел узнать ее “как человека”. Однако “личные отношения не имели большого значения для эффективной и отвечающей всем требованиям бесплатной правовой помощи”. Г-жа А. имела все необходимые правовые навыки для защиты заявителя.

(d) Личное присутствие

56. Последний аргумент, выдвигавшийся правительством, касался слушаний 29 ноября 2007 года как таковых. Правительство признало важность права обвиняемого на эффективное участие в своей защите. Однако оно указало, что Конвенция и прецеденты Суда не указывают на способ, которым это право должно реализовываться. Участие в судебном разбирательстве посредством видеосвязи является приемлемой формой участия (см. *Marcello Viola против Италии*, № 45106/04, ЕСПЧ 2006-ХІ (отрывки) и *Голубев против России* (реш.), № 26260/02, 9 ноября 2006 года). Транспортировка заключенного из Новосибирской области в Москву – длительное и дорогостоящее мероприятие; к тому же, оно принесло бы заявителю много неудобств. Правительство далее заявляло, что заявитель не жаловался на качество видеосвязи, и что она не ограничивала как ли бы иначе его возможность участвовать в слушаниях.

2. Заявитель

(а) Утрата статуса жертвы

57. По мнению заявителя, позиция правительства о том, что Суд должен объявить решение об удовлетворении надзорной жалобы полным и адекватным средством правовой защиты *per se* без какого-либо учета последующего повторного слушания, находится в прямом

противоречии с принципами, зафиксированными в прецедентах Суда. Решение вышестоящего суда о направлении на новое слушание составляет в лучшем случае обещание исправления, а результат – реальное исправление – может быть достигнут только в последующем судебном разбирательстве.

58. С точки зрения заявителя, понимание правительством прецедентов Суда является неправильным. Ни одно из дел, на которое ссылается правительство, не обосновывает его суждение о том, что направление на повторное слушание само по себе является достаточным исправлением нарушения. Напротив, постановления или решения по пяти делам (*Понюшкова, Федосова, Бабунидзе, Гавриловой и Wong*) противоречат позиции правительства, а другие три (*Рябова, Давидчук и Никишиной*) являются настолько отличными с фактической стороны от настоящего дела, что являются вообще неуместными.

59. Палата правильно трактовала второе слушание как часть внутригосударственного исправления признанного нарушения права заявителя на справедливое судебное разбирательство в первоначальном судебном процессе. Это соответствовало предыдущей практике Суда, в частности, по делу *Scordino*, в котором Большая палата постановила, что “вопрос о том, может ли еще лицо претендовать на статус жертвы предполагаемого нарушения Конвенции, в значительной степени сопряжен с *ex post facto** исследованием Судом ситуации этого лица”, включая, в частности, исследование “эффективности средства правовой защиты”, предоставленного национальными властями (см. *Scordino против Италии (no. 1)* [БП], № 36813/97, §§ 180-182, ЕСПЧ 2006-V). *Ex post facto* исследование судом ситуации должно концентрироваться на практических результатах реального применения средства правовой защиты. Таким образом, например, когда требуемым средством правовой защиты в связи с чрезмерной длительностью судебного разбирательства, является последующая компенсация, Суд должен определить не только наличие такого средства по национальному законодательству, но и своевременность принятия судебного решения на этот счет, поскольку “чрезмерная задержка в предоставлении компенсации сделает это средство не отвечающим требованиям” (см. *Cocchiarella против Италии* [БП], № 64886/01, § 86, ЕСПЧ 2006-V).

60. По мнению заявителя, позиция правительства по делу, заключающаяся в том, что жалобы заявителя на повторное слушание не могут быть рассмотрены в контексте настоящего дела, а только при новом обращении в Суд, по существу является способом избежать рассмотрения Европейским Судом первоначального и повторного нарушения прав заявителя. Если бы заявитель подал новую жалобу,

* После совершившегося факта.

касающуюся повторного слушания, правительство бы настаивало на новом раунде исчерпания средств правовой защиты и предоставлении новой “возможности изучить утверждения заявителя и исправить нарушение прав, гарантированных Конвенцией”. Такая возможность была бы затем использована для получения еще одного решения, подобного постановлению Президиума от 4 июля 2007 года, которое правительство вновь бы представило как прекращающее статус жертвы заявителя, и такой процесс по кругу мог бы продолжаться *ad infinitum* *.

(b) Отказ от защитника

61. Заявитель отрицал, что он отказывался от какого-либо своего права, предусмотренного статьей 6. Ничто не свидетельствует о том, что заявитель отчетливо предпринял какое-либо из этих прав или вел себя так, чтобы из поведения четко следовал бы такой отказ. Напротив, он недвусмысленно письменно ходатайствовал о присутствии на кассационном слушании и об определенной возможности конфиденциально встретиться со своим адвокатом, а также сообщал Верховному Суду о прерываниях видеосвязи. Заявитель заключил, что ответственность за несоблюдение его прав в связи с повторным слушанием лежит исключительно на властях.

(c) Эффективная помощь защитника

62. Заявитель утверждал, что, несмотря на то, что Верховный Суд назначил защитника, чтобы представлять его на повторном слушании, он сделал это в такой манере, которая сделала невозможной оказание адвокатом эффективной правовой помощи. У заявителя создалось впечатление, что участие г-жи А. в судебном процессе было особенно неэффективным, поскольку она была лишь частично знакома с его делом.

63. Тот факт, что бесплатный адвокат заявителю был назначен и представлен ему в последнюю минуту, в сочетании с тем, что им было предоставлено только пятнадцать минут для общения по видеосвязи, лишил ее какой-либо возможности выступить в качестве защитника иначе, как номинально. Вот почему предложение Верховного Суда заявителю выбрать другого адвоката в ответ на его возражения было совершенно неуместно: он ничего не имел против г-жи А. лично, хотя и не знал ее прежде, но указывал на то, что они были лишены какой-либо возможности сформировать хоть какое-то подобие значимых рабочих отношений адвоката с клиентом.

64. Еще два факта в дополнение к тем, что суммированы в постановлении, говорят в пользу вывода Палаты. Во-первых, учитывая

* До бесконечности, без конца

условия, в которых он был вынужден говорить со своим адвокатом, заявитель не ощущал, что может вести беседу с ней откровенно и открыто. Сравнение Суда этих условий с такими альтернативными, как защищенная от прослушивания телефонная линия (см. упомянутое выше дело *Marcello Viola*, § 41), показало, что ощущения заявителя были вполне поняты. Во-вторых, поскольку заявитель не имел каких-либо контактов со своим адвокатом до повторного слушания, он подавал все ходатайства в связи с предстоящим судебным заседанием по своему разумению, и все они в конечном итоге были отклонены Верховным Судом. Учитывая, что причиной возвращения дела в Верховный Суд на новое слушание было нарушение им права заявителя иметь правового представителя на первоначальном слушании, и принимая во внимание тяжесть обвинения, которое предстояло рассмотреть на повторном слушании (двойное убийство), это, несомненно, было то дело, в котором Верховный Суд должен был приложить все старания для обеспечения заявителя эффективным представительством.

(d) Личное присутствие

65. Заявитель утверждал, что он не был обеспечен эффективным правовым представительством и возможностью конфиденциально побеседовать с адвокатом, и что его способность активно участвовать и следить за процессом в зале суда нарушалась техническими неполадками в видеосвязи. Он хотел опровергнуть в кассационном слушании показания некоторых свидетелей при первоначальном рассмотрении дела и поднял в связи с этим вопрос о достоверности своих показаний, и потому его личное присутствие было особенно важным в таких условиях. Наконец, он не имел возможности представлять доказательства по своему делу на тех же условиях, что и сторона обвинения: прокурор присутствовал в зале суда, в то время как заявитель участвовал в заседании посредством видеосвязи.

С. Анализ Суда

1. Утратил ли заявитель статус жертвы после возобновления производства по делу

(а) Общие принципы прецедентов Суда: понятие “исправление”*

66. Суд выработал два направления прецедентов относительно статуса жертвы заявителя в соответствии со статьей 34 Конвенции.

* В тексте – “redress”

Первое направление касается сущности и объема условий для того, чтобы претендовать на статус жертвы нарушения Конвенции при подаче жалобы в Суд, а именно: может ли лицо считаться прямо затронутым оспариваемой мерой (см., в том числе, *Burden против Соединенного Королевства* [БП], № 13378/05, § 33, ЕСПЧ 2008-...). Второй ряд дел относится к вопросу о том, могут ли, если предполагаемое нарушение уже имело место, последующие события привести к утрате статуса жертвы. Суд хотел бы подчеркнуть, что эти два направления прецедентов независимы друг от друга (см. *Senator Lines GmbH против Австрии, Бельгии, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Греции, Ирландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Португалии, Испании, Швеции и Соединенного Королевства* (реш.) [БП], № 56672/00, ЕСПЧ 2004-IV). Обретение и утрата статуса жертвы – это две различные ситуации, хотя обе они основываются на понятии “жертва”.

67. Твердо установившимся принципом прецедентов Суда является то, что заявитель может утратить свой статус жертвы при удовлетворении двух условий: во-первых, если власти признали или прямо, или по существу нарушение Конвенции и, во-вторых, если они исправили его (см., в том числе, упоминавшееся выше дело *Scordino*, § 180). Только тогда, когда эти два условия удовлетворены, вспомогательная сущность защитного механизма Конвенции предотвращает рассмотрение жалобы (см. *Arat против Турции*, № 10309/03, § 46, 10 ноября 2009 года). Предполагаемая утрата заявителем статуса жертвы включает в себя исследование сущности конкретного права, оснований, выдвинутых национальными властями в принятом ими решении, и сохранения отрицательных последствий для заявителя после решения (см. *Freimanis u Līdums против Латвии*, №№ 73443/01 и 74860/01, § 68, 9 февраля 2006 года).

68. Очевидно, что в настоящем деле власти признали первоначальное нарушение прав заявителя, предусмотренных статьей 6 Конвенции, по крайней мере, в части, касающейся отсутствия должной правовой помощи при кассационном слушании 2002 года. Поэтому Суд должен сконцентрироваться на вопросе о том, выполнили ли они обязательство “исправить” его.

69. В деле *Scordino* (упоминалось выше) Большая палата сформулировала требования для исправления в отношении чрезмерно длительного производства по гражданскому делу. Суд, в частности, установил, что чрезмерные задержки в судопроизводстве о компенсации могут превратить это средство правовой защиты в несоответствующее требованиям (§ 195). Далее, доступу к средству правовой защиты, предусматривающему компенсацию, не должны препятствовать высокие судебные издержки (§ 201). Суд также

рассмотрел, было ли финансовое исправление достаточным с точки зрения объема.

70. Суд отмечает, что вышеуказанные выводы касались средства правовой защиты, предусматривающего компенсацию за нарушение весьма специфической гарантии статьи 6 § 1 – требования “разумного срока”. Нарушение других положений Конвенции может потребовать других видов “исправления”, к которым необязательно относится логика дела *Scordino*. В этой связи Суд также повторяет, что различные виды средств могут исправлять нарушения должным образом (см., *mutatis mutandis*^{*}, анализ Суда по статье 13 в деле *Kudla против Польши* [БП], № 30210/96, §§ 154-55, ЕСПЧ 2000-XI). Соответствие и достаточность исправления зависят от сущности нарушения, на которое жалуется заявитель.

71. В контексте уголовной составляющей гарантий статьи 6 полное оправдание или прекращение производства по делу заявителя было признано соответствующим исправлением (см., например, *Carboni против Италии* (реш.), № 51554/99, 12 февраля 2004 года; *Üstün против Турции*, № 37685/02, 10 мая 2007 года, § 24 и *Oleksy против Польши* (реш.), № 1379/06, 16 июня 2009 года). Однако это в том случае, когда заявителю уже более не наносится вред и он избавлен от каких-либо неблагоприятных последствий. Заявитель может сохранять свой статус жертвы, если он уже отбыл весь срок или часть срока наказания, а компенсация за предполагаемое нарушение не предложена или отсутствует (см., например, *Hooper против Соединенного Королевства* (реш.), № 42317/98, 21 октября 2003 года; *Менешева против России* (реш.), № 59261/00, 15 января 2004 года и упоминавшееся выше дело *Arat*, §§ 46-47). В упоминавшемся выше деле *Freimanis и Līdums*, касавшемся вопроса о том, разбирались ли дело “судом, созданным на основе закона”, Суд принял во внимание вопрос сохранения отрицательных последствий для заявителей после решения об отмене приговора и направления дела на новое рассмотрение (§ 68). Суд отметил (в §§ 71-72), что заявители не жаловались на несправедливость нового судебного разбирательства и что дело было пересмотрено новым составом суда, созданным на этот раз на основе закона. При таких обстоятельствах Суд пришел к выводу, что изъяны предыдущего судебного разбирательства были исправлены после возобновления производства по делу.

(b) Прецеденты Суда в российских делах

72. Существует две группы дел, касающихся России, которые по-разному трактуют вопрос “статуса жертвы” при судебном разбирательстве по уголовным делам. В первой группе Суд признал

* Изменив то, что следует, внося необходимые изменения.

возобновление производства по уголовному делу как вид исправления сам по себе. В этой связи правительство сослалось на упоминавшееся выше дело *Понюшкова*, в котором Суд в подобной ситуации признал следующее:

“70. В настоящем деле Президиум Верховного Суда недвусмысленно признал, что право заявителя на бесплатного правового представителя на слушаниях суда кассационной инстанции было нарушено, отменил кассационное определение от 29 января 2004 года и направил дело на новое кассационное рассмотрение.

71. Поэтому, учитывая решение Президиума от 1 марта 2006 года, Суд считает, что национальные власти признали, а затем исправили предполагаемое нарушение Конвенции.”

Такая же линия аргументации была использована Судом в упоминавшемся выше деле *Рябова*, где он признал:

“51. ... Учитывая решение Президиума от 1 марта 2006 года и кассационное определение от 19 июля 2006 года, где указывается на необходимость нового судебного рассмотрения, Суд считает, что национальные власти признали, а затем исправили предполагаемое нарушение Конвенции.”

Суд пришел к этому заключению, несмотря на то, что судебное слушание по делу заявителя еще только ожидалось и не было уверенности, что обжалуемый изъян будет исправлен при повторном рассмотрении.

73. Вторая группа дел созвучна с заключениями Палаты в рассматриваемом деле. Например, дело *Федосова*, на которое ссылалось правительство в обоснование своих аргументов, отражает позицию Палаты в настоящем деле. В этом деле Суд принял во внимание второе рассмотрение дела:

“Учитывая определение [надзорной инстанции] от 28 сентября 2005 года, последующее повторное рассмотрение Троицким городским судом и смягчение наказания, Суд считает, что национальные власти признали, а затем исправили предполагаемое нарушение Конвенции.”

Это решение предполагает, что помимо повторного рассмотрения в соответствии со всеми требованиями статьи 6 заявитель должен получить что-то еще, например, смягчение наказания.

74. На другое дело из этой группы – дело *Бабунидзе* (упоминалось выше) ссылались обе стороны. В этом деле заявитель жаловался на то, что он не мог присутствовать на слушаниях как до, так и после отмены Верховным Судом решения по гражданскому делу, в котором он был ответчиком. В этом деле стороны согласились с тем, что Верховный Суд признал нарушение прав заявителя в связи с тем, что районный суд не пригласил его на заседание 19 марта 2002 года. Однако заявитель доказывал, что в процессе нового рассмотрения дела районный и областной суды вновь не обеспечили ему эффективную возможность участвовать в слушаниях. Суд признал, что исправление

нарушения требует исследования того “была ли заявителю предоставлена возможность эффективно участвовать в повторном рассмотрении его дела”. Установив, что в обстоятельствах этого дела заявителю была представлена достаточная возможность присутствовать на судебных заседаниях при новом рассмотрении, Суд пришел к следующему выводу:

“Поэтому, учитывая определение Верховного Суда от 14 октября 2003 года и последующее повторное рассмотрение дела заявителя, в ходе которого ему была предоставлена эффективная возможность присутствовать на слушаниях и заявлять свои доводы, Суд считает, что национальные власти признали, а затем исправили предполагаемое нарушение Конвенции, произошедшее в результате того, что власти не пригласили заявителя на судебное заседание 19 марта 2002 года...”

75. На этом фоне Суд обращает внимание, что его прецеденты, касающиеся воздействия возобновления производства по делу на статус жертвы заявителя, нуждаются в прояснении.

(с) Применение к настоящему делу

76. Вначале Суд вновь отмечает, что европейская система защиты прав человека основывается на принципе вспомогательности^{*}. Государствам должна быть предоставлена возможность вывести право за рамки нарушения до того, как жалоба рассмотрена Судом; однако “принцип вспомогательности не означает отказ от всего контроля за результатами, полученными от применения внутренних средств правовой защиты” (см. *Giuseppe Mostacciuolo против Италии* (№ 2) [БП], № 65102/01, § 81, 29 марта 2006 года). Кроме того, принцип вспомогательности не должен трактоваться таким образом, чтобы позволять государствам избегать юрисдикции Суда.

77. Действительно, подсудимый не может претендовать на статус жертвы нарушения статьи 6 § 3 до того, как он осужден (см. *X против Соединенного Королевства*, № 8083/77, решении Комиссии от 13 марта 1980 года, Решения и отчеты 19, с. 223; *Eğimlioğlu против Турции*, № 31312/96, решение Комиссии от 21 октября 1998 года, неопубликованное; *Osmanov и Husseinov против Болгарии* (реш.), №№ 54178/00 и 59901/00, 4 сентября 2003 года и *Witkowski против Польши* (реш.), № 53804/00, 3 февраля 2003 года). Это также справедливо в отношении большинства гарантий статьи 6 § 1 Конвенции (с некоторыми исключениями, касающимися, например, требования разумного срока судебного разбирательства, доступа к суду и т.д. – см., например, *Полонский против России*, № 30033/05, § 160 и далее, 19 марта 2009 года; *Kart против Турции* [БП], № 8917/05, § 71 и далее, 3 декабря 2009 года; см. также по гражданскому судопроизводству

^{*} В тексте - principle of subsidiarity.

Mihajlović против Хорватии, № 21752/02, § 26 и далее, 7 июля 2005 года). Может случиться, что возобновление производства по делу “возвратило” заявителя в положение, существовавшее до того, как он стал жертвой, и восстановило *status quo ante* *.

78. По мнению Суда, однако, такой подход не применим в обстоятельствах настоящего дела. Обретение и утрата статуса жертвы не обязательно определяются одними и теми же правилами (см. выше параграф 66). Очевидно, что заявитель в настоящем деле стал жертвой до подачи жалобы в Суд. И государство должно было обеспечить заявителю соответствующее и достаточное исправление в отношении этой жалобы своевременно, иначе говоря, до того, как Суд рассмотрит дело (см. *mutatis mutandis* критерии, определенные в деле *Scordino*, упоминавшемся выше в параграфе 69).

79. По мнению Суда, одного лишь возобновления производства по делу было недостаточно для того, чтобы снять с заявителя статус жертвы. Эта точка зрения тесно связана с особенностями российской системы рассмотрения в порядке надзора, существовавшей в то время (см. выше параграфы 42-45). В первую очередь, не существовало ограничений в отношении количества раз и обстоятельств, при которых производство по делу могло быть возобновлено. Во-вторых, возобновление производства по делу зависело от усмотрения прокурора или судьи, которые решали, заслуживает ли надзорная жалоба или надзорное представление рассмотрения по существу. Вносил ли прокурор надзорную жалобу для возобновления производства по делу или председатель суда отменял решение судьи об отказе в принятии к рассмотрению надзорной жалобы, решение могло приниматься *proprio motu* **. Это могло бы позволить государству-ответчику избегать рассмотрения жалобы по существу путем постоянного возобновления производства по делу.

80. Такая возможность была не только теоретической. По целому ряду российских дел внутреннее производство возобновлялось вскоре после коммуникации дела правительству, но много месяцев или даже лет после его закрытия – см. среди других примеров дела *Зайцев против России*, № 22644/02, §§ 9-11, 16 ноября 2006 года; *Ларягин и Аристов против России*, №№ 38697/02 и 14711/03, §§ 18-19, 8 января 2009 года; *Сибгатулин против России*, № 32165/02, § 13, 23 апреля 2009 года; *Бакланов против России* (реш.), № 68443/01, 6 мая 2003 года; *Микадзе против России* (реш.), по. 52697/99, 3 мая 2005 года; *Городничев против России* (реш.), № 52058/99, 3 мая 2005 года; *Федоров против России* (реш.), № 63997/00, 6 октября 2005 года; упомянутое выше дело *Федосова и Макхягин против России* (реш.),

* Положение, существовавшее раньше.

** По собственной инициативе, по собственному побуждению.

№ 39537/03, 1 октября 2009 года. Подобные примеры можно найти в прецедентах, касающихся пересмотра в порядке надзора в гражданских делах (см., например, *Рябых против России*, № 52854/99, ЕСПЧ 2003-IX и последующие дела). Эти дела показывают четкую связь между коммуникацией и возобновлением производства по делу.

81. Далее, в некоторых делах связь между коммуникацией дела и возобновлением производства по нему была еще более очевидной. Так, в деле *Нурмагометов против России* ((реш.), № 30138/02, 16 сентября 2004 года) только после вмешательства Европейского Суда прокурор внес надзорное представление о пересмотре определения суда, хотя ранее тот же прокурор отклонил жалобу заявителя на это самое определение, заявляя, что “оно обосновано и законно”. В деле *Аджигович* (упоминалось выше, §§ 11 и 12) до коммуникации многочисленные надзорные жалобы неоднократно отклонялись, в то время как те же жалобы были приняты к рассмотрению после коммуникации дела государству-ответчику. Наконец, в настоящем деле усилия самого заявителя добиться пересмотра первого определения в порядке надзора были бесплодными да тех пор, пока Генеральная Прокуратура не почувствовала себя обязанной вмешаться вслед за извещением о том, что заявитель обратился за помощью к Европейскому Суду (см. выше параграфы 24 и 25).

82. На этом фоне Суд пришел к следующему выводу. Внутреннее производство по делу часто возобновляется по инициативе российских властей, когда они узнают, что дело принято к рассмотрению в Страсбурге. Иногда это идет во благо заявителю, когда возобновление производства направлено на конструктивные цели. Учитывая, однако, легкость, с которой правительство прибегает к этой процедуре, существует также и опасность злоупотребления. Если Суд безоговорочно признает, что только сам факт возобновления производства по делу должен автоматически снимать с заявителя статус жертвы, то государство-ответчик будет в состоянии воспрепятствовать рассмотрению любого ожидающего решения дела путем постоянного запуска процедуры надзорного рассмотрения вместо исправления допущенных нарушений путем обеспечения заявителя справедливым судебным разбирательством.

83. Суд считает, что само по себе возобновление производства по делу не может автоматически рассматриваться как достаточное исправление нарушения, способное лишить заявителя статуса жертвы. Для выяснения того, сохранил ли заявитель свой статус жертвы, суд рассмотрит разбирательство в целом, включая разбирательство после возобновления производства по делу. Такой подход позволяет достичь необходимого баланса между принципом вспомогательности и эффективностью механизма Конвенции. С одной стороны, он позволяет государствам возобновлять и пересматривать уголовные

дела для того, чтобы вывести права за рамки нарушений статьи 6 Конвенции. С другой, – новое разбирательство должно проводиться оперативно и в соответствии с гарантиями статьи 6 Конвенции. При таком подходе рассмотрение в порядке надзора нельзя будет более использовать как средство для уклонения от рассмотрения Судом, защитив тем самым эффективность права на индивидуальную жалобу.

84. Итак, Суд считает, что только лишь возобновление производства по делу в результате рассмотрения в порядке надзора не обеспечило заявителю должного и достаточного исправления нарушения. Он может, поэтому продолжать претендовать на статус жертвы по смыслу статьи 34 Конвенции. Следовательно, Суд отклоняет возражения правительства на этот счет. Он должен теперь исследовать, соответствовало ли слушание 29 ноября 2007 года требованиям справедливости.

2. Должно ли дело было быть рекоммуницировано правительству

85. Довод правительства об утрате заявителем статуса жертвы имеет также и процессуальную составляющую. Правительство заявляло, что Палата должна была бы рекоммуницировать ему жалобу заявителя после получения ею информации о повторном кассационном рассмотрении.

86. Суд обращает внимание, что заявитель жаловался на слушания 29 ноября 2007 года в своем дополнительном обращении в марте 2008 года. Президент Первой секции приобщил это обращение к делу для рассмотрения Судом, а его копия была направлена правительству. Правительству прямо не предлагалось прокомментировать его, однако ничто не препятствовало ему сделать это. У правительства было достаточно времени представить свои дополнительные комментарии (более девяти месяцев), и если бы Суд получил их, то, безусловно, рассматривал бы их вместе с первыми и вторыми комментариями, представленными правительством соответственно в июне и октябре 2007 года

87. Кроме того, известно, что правительство было хорошо осведомлено об информации, изложенной заявителем в его дополнительном обращении, и оно могло бы узнать о ней из других источников. В любом случае, приняв прошение правительства о направлении дела на рассмотрение Большой палаты, Суд дал ему дополнительную возможность представить свои соображения по этому вопросу. В этой связи Большая палата вновь отмечает, что даже после того, как Палата примет решение провозгласить жалобу приемлемой, она может, где это необходимо, исследовать вопросы, относящиеся к ее приемлемости, на основании, например, статьи 35 § 4 *in fine**

* В заключение, в итоге, подводя итоги, окончательно.

Конвенции, которая дает право Суду “отклонять любую жалобу, которую сочтет неприемлемой... на любой стадии разбирательства”, и в случаях, когда эти вопросы объединены с вопросами по существу, или когда они относимы иным образом на этапе рассмотрения по существу (см. *K. и T. против Финляндии* [БП], № 25702/94, §§ 140-141, ЕСПЧ 2001-VII и *Perna против Италии* [БП], № 48898/99, §§ 23-24, ЕСПЧ 2003-V). Учитывая страсбургское делопроизводство в целом, Суд не считает, что правительство было поставлено в какие-то более неблагоприятные условия *vis-à-vis** с заявителем. Наконец, Суд заинтересован в том, чтобы рассмотрение дела не затягивалось без необходимости.

88. Суд приходит к выводу, что правительство могло представить свою позицию по делу в целом. Он, таким образом, может продолжить рассмотрение дела.

3. Отказался ли заявитель от своего права на защитника

89. Правительство полагает, что заявитель отказался от своего права, предусмотренного статьей 6 § 3 (с) Конвенции. Предполагается, что г-жа А. должна считаться представителем заявителя с момента ее назначения Верховным Судом. Правительство утверждает, что как представитель заявителя она должна была бы ходатайствовать о замене адвоката или о конфиденциальной встрече с заявителем, однако она этого не сделала. Оно расценивает это как скрытый отказ.

90. Суд вновь заявляет, что ни буква, ни дух статьи 6 Конвенции не запрещают лицу по своей собственной доброй воле, явно или молчаливо, отказаться от права на гарантии справедливого судебного разбирательства (см. *Talat Tunç против Турции*, № 32432/96, § 59, 27 марта 2007 года). Однако такой отказ должен быть установлен недвусмысленно и не противоречить каким-либо важным общественным интересам (см. *Sejdovic против Италии* [БП], № 56581/00, § 86, ЕСПЧ 2006-II).

91. Суд отмечает, что заявитель является непрофессионалом и не имеет юридической подготовки (см., *mutatis mutandis*, *Cooke против Австрии*, № 25878/94, § 43, 8 февраля 2000 года с последующими ссылками на *Kremzow против Австрии*, 21 сентября 1993 года, Серия А № 268-B). Он не знал о назначении г-жи А. и, в конечном счете, отказался от ее услуг именно по причине того, что воспринимал ее участие в судебном разбирательстве как простую формальность. Он довел свое позицию до Верховного Суда, как мог. Нельзя требовать от заявителя, чтобы он страдал из-за последствий пассивной позиции г-жи А., поскольку одной из главных составляющих его жалобы

* По сравнению.

является именно ее пассивность. Следовательно, бездействие г-жи А. не может рассматриваться как отказ.

92. Правительство подчеркивает, что заявитель отказался воспользоваться услугами г-жи А., но не ходатайствовал о назначении ему кого-нибудь другого в качестве адвоката. Не просил он и о предоставлении дополнительного времени для встречи с назначенным судом адвокатом или для поиска адвоката по собственному выбору. Суд опять отмечает, что в тех условиях от заявителя нельзя было ожидать принятия процессуальных шагов, которые обычно требуют некоторых правовых знаний и навыков. Заявитель сделал то, что обычный человек сделал бы в его ситуации: он выразил свое неудовлетворение тем, как была организована Верховным Судом помощь защитника. При таких обстоятельствах тот факт, что заявитель не сформулировал более конкретные требования, также не может считаться отказом.

93. Суд, как и Палата (см. § 51 постановления), считает, что поведение заявителя, равно как и бездействие г-жи А., не освобождали власти от их обязательства предпринять дополнительные шаги для обеспечения эффективности его защиты.

4. Была ли предоставлена заявителю эффективная помощь защитника на судебном заседании 29 ноября 2007 года

(а) Общие принципы

94. Требования статьи 6 § 3 должны рассматриваться как частные аспекты права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 § 1, и потому жалобы заявителя на основании параграфов 1 и 3 статьи 6 подлежат рассмотрению вместе (см. *Vacher против Франции*, 17 декабря 1996 года, § 22, *Отчеты о постановлениях и решениях 1996-VI*).

95. Суд повторяет, что, хотя статья 6 § 3 (с) наделяет каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления правом “защищать себя лично или через посредство... защитника ...”, она не определяет способ реализации этого права. Она, таким образом, оставляет Договаривающимся Сторонам выбор средств обеспечения того, чтобы это было гарантировано их судебными системами, а задача Суда заключается только в том, чтобы выяснить, соответствует ли избранный ими способ требованиям справедливого судебного разбирательства (см. *Quaranta против Швейцарии*, 24 мая 1991 года, § 30, Серия А, № 205). Необходимо в этой связи иметь в виду, что Конвенция предназначена для того, чтобы “гарантировать не права, существующие теоретически, и иллюзорные, а права, реализуемые на практике, и эффективные”, и что назначение адвоката само по себе не обеспечивает эффективность помощи, которую он может оказать

обвиняемому (см. *Artico против Италии*, 13 мая 1980 года, § 33, Серия А, № 37 и *Imbrioscia против Швейцарии*, 24 ноября 1993 года, § 38, Серия А, № 275).

966. Исходя из общего принципа, базирующегося на понятии справедливое судебное разбирательство, лицу, обвиненному в совершении уголовного преступления, должно быть предоставлено право присутствовать на слушаниях суда первой инстанции. Однако личное присутствие подсудимого не обязательно имеет такую же значимость в случае кассационного слушания. Действительно, даже тогда, когда суд кассационной инстанции имеет полную юрисдикцию рассматривать конкретное дело как с точки зрения фактических обстоятельств, так и права, статья 6 не всегда влечет за собой право личного присутствия. При оценке этого вопроса внимание должно быть обращено, *inter alia*, на особенности конкретного судебного разбирательства и способы, при помощи которых интересы защиты представлены и защищены на суде кассационной инстанции, особенно в свете вопросов, которые им решаются, и их важности для подсудимого (см. *Helmers против Швеции*, 29 октября 1991 года, §§ 31-32, Серия А, № 212-А; *Belziuk против Польши*, 25 марта 1998 года, § 37, *Отчеты* 1998-II; *Pobornikoff против Австрии*, № 28501/95, § 24, 3 октября 2000 года и *Kucera против Австрии*, № 40072/98, § 25, 3 октября 2002 года).

977. Право обвиняемого общаться со своим адвокатом, не опасаясь быть подслушанными, является одним из основных требований справедливого и вытекает из статьи 6 § 3 (с) Конвенции (см. *Castravet против Молдовы*, № 23393/05, § 49, 13 марта 2007 года). Если адвокат не будет иметь возможности беседовать со своим клиентом и получать от него конфиденциальные указания без такого контроля, его помощь потеряет значительную часть полезности, в то время как Конвенция предназначена для того, чтобы гарантировать права, реализуемые на практике, и эффективные (см., *inter alia*, упоминавшееся выше дело *Artico*, § 33).

988. Относительно использования видеосвязи Суд повторяет, что эта форма участия в судебном процессе не противоречит, как таковая, понятию справедливое и публичное разбирательство, но заявителю должна быть обеспечена возможность следить за разбирательством и быть услышанным без технических помех, а также эффективное и конфиденциальное общение с адвокатом (см. упоминавшееся выше дело *Marcello Viola*).

(b) Применение к настоящему делу

99. Правительство не оспаривало, что первое слушание дела судом кассационной инстанции (в 2002 году) не соответствовало требованиям статьи 6 § 3 (с) Конвенции. Однако оно утверждало, что

власти сделали все, что в их силах, чтобы на повторном слушании дела в 2007 году заявитель имел защитника. Суд поэтому сконцентрируется на повторном кассационном слушании.

990. Суд отмечает, что первоначальное определение было отменен Президиумом Верховного суда в 2007 года именно из-за нарушения права заявителя на защитника. Ясно, таким образом, что для властей дело представлялось достаточно сложным, требующим помощи профессионального адвоката. Учитывая это, а также собственную оценку Судом сложности вопросов, стоявших перед судом кассационной инстанции, Суд приходит к заключению, что помощь адвоката была существенно важна для заявителя при втором кассационном слушании.

1001. Суд рассмотрел доводы Правительства в обосновании его позиции и согласен с тем, что г-жа А. была квалифицированным адвокатом и что не было явных разногласий между ней и заявителем по существу или стратегии его защиты. Хотя установлено, что г-жа А. ознакомилась с делом, но не ясно, сколько времени она потратила на это, а Правительство не предоставило какой-либо конкретной информации или свидетельства на этот счет. Она *a priori** была готова оказать помощь заявителю, и это, несомненно, относимое соображение. Однако эти аргументы не являются решающими; Суд должен взвесить, учитывала ли организация проведения судебного разбирательства и, в особенности, контакта между г-жой А. и заявителем, право на защиту.

1012. Суд подчеркивает, что взаимоотношения между адвокатом и его клиентом должны строиться на взаимном доверии и понимании. Конечно, государство не всегда может способствовать таким взаимоотношениям: существуют неизбежные ограничения по времени и месту для встреч между заключенным и его адвокатом. Кроме того, в исключительных случаях государство может ограничить конфиденциальные контакты с защитником для заключенного (см. *Kempers против Австрии* (реш.), № 21842/03, 27 февраля 1997 года или *Lanz против Австрии*, № 24430/94, § 52, 31 января 2002 года). Тем не менее, любые ограничения на отношения между клиентом и адвокатом, как внутренне присущие, так и привнесенные, не должны препятствовать эффективной помощи защитника, на которого имеет право обвиняемый. Несмотря на возможные трудности и ограничения, важность, придаваемая праву на защиту, такова, что право на эффективную помощь защитника должно соблюдаться при любых обстоятельствах.

1023. В настоящем деле заявитель имел возможность общаться с вновь назначенным адвокатом пятнадцать минут прямо перед началом

* Заранее, до опыта.

заседания. Суд считает, что, учитывая сложность и важность дела, предоставленного времени было явно недостаточно заявителю для того, чтобы обсудить дело и убедиться в должном его знании и правовой позиции г-жи А.

104. Кроме того, вызывает сомнение, обеспечивала ли видеосвязь достаточную конфиденциальность общения. Суд отмечает, что в деле *Marcello Viola* (упоминалось выше, §§ 41 и 75) заявитель имел возможность говорить со своим адвокатом по телефонной линии, защищенной от прослушивания. В рассматриваемом деле заявитель должен был пользоваться системой видеоконференцсвязи, установленной и обслуживаемой государством. Суд считает, что заявитель мог испытывать законное чувство неловкости при обсуждении своего дела с г-жой А.

1035. В деле *Marcello Viola* (упоминалось выше), к тому же, адвокат подсудимого также имел возможность посылать заместителя в комнату видеоконференцсвязи или, наоборот, помогать своему клиенту лично и доверять замещающему его адвокату защиту своего клиента в суде. Подобный же вывод был сделан в упоминавшемся выше деле *Голубева*, в котором Суд не установил нарушение статьи 6 в связи со слушанием посредством видеосвязи, поскольку, *inter alia*, “два адвоката заявителя присутствовали на заседании суда кассационной инстанции [в зале суда] и могли бы поддерживать и развивать аргументы защиты... Заявитель имел возможность конфиденциально консультироваться со своим адвокатом до заседания. Более того, поскольку у заявителя было два адвоката, он мог выбрать одного из них для помощи в следственном изоляторе во время слушания и конфиденциально консультироваться с ним”. Ни один из вышеописанных вариантов не был доступен заявителю в рассматриваемом деле. Вместо этого от заявителя ожидали, что он либо согласится на только что предложенного ему адвоката, либо продолжит свое участие без него.

1046. Суд отмечает, что Правительство не представило объяснений, почему было невозможно иначе организовать правовую помощь заявителю. Он согласен, что транспортировка заявителя из Новосибирска в Москву для встречи с заявителем заняла бы много времени и была бы дорогостоящей (см. выше параграф 26). Подчеркивая краеугольную важность эффективной помощи защитника, Суд должен исследовать, предприняло ли Правительство ввиду этого конкретного географического препятствия меры, которые в значительной степени компенсировали ограничение прав заявителя. Суд отмечает в этом отношении, что ничто не мешало властям организовать, по крайней мере, телефонный разговор между заявителем и г-жой А. ранее до слушаний. Ничто не мешало им назначить адвоката из Новосибирска, который бы мог посетить

заявителя в следственном изоляторе и был бы с ним во время слушаний. Кроме того, не ясно, почему Верховный Суд не назначил представителем заявителя адвоката, который уже защищал его на суде первой инстанции и подготовил первоначальную кассационную жалобу. Наконец, Верховный Суд мог бы отложить слушания по своей инициативе с тем, чтобы предоставить заявителю достаточно времени для обсуждения дела с г-жой А.

1057. Суд приходит к выводу, что меры, предпринятые Верховным Судом, были недостаточными и не обеспечили заявителю эффективную помощь защитника на втором кассационном слушании.

5. Соответствовало ли статье 6 § 1 Конвенции участие заявителя в деле посредством видеосвязи

1068. Заявитель жаловался на то, что не мог должным образом защищать себя, поскольку участвовал в слушаниях суда кассационной инстанции посредством видеосвязи, а не лично. Суд считает, что с учетом вышеизложенных выводов на основании статьи 6 § 3 (с) в совокупности со статьей 6 § 1 Конвенции, нет необходимости рассматривать отдельно вопрос о том, соответствовало ли в обстоятельствах настоящего дела участие заявителя в кассационном слушании посредством видеосвязи статье 6 (см., *mutatis mutandis*, *Özcan Çolak против Турции*, № 30235/03, §§ 51-53, 6 октября 2009 года).

6. Выводы

107. Суд приходил к заключению, что судебное рассмотрение 29 ноября 2007 года не соответствовало требованиям статьи 6 § 3 (с) в совокупности со статьей 6 § 1. Следовательно, второе рассмотрение в порядке кассации не исправило изъяны первого: ни в 2002 году, ни в 2007 году заявитель не мог пользоваться эффективной помощью защитника. Суд приходил к заключению, что имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции в совокупности с ее статьей 6 § 3 (с) в рассматриваемом как единое целое судебном разбирательстве, которое закончилось вынесением определения 29 ноября 2007 года.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

1080. Статья 41 Конвенции предусматривает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

1091. В качестве компенсации морального вреда заявитель требовал 5000 евро. Он также требовал 300 евро за расходы и издержки, понесенные в связи с рассмотрением Палатой. Правительство считало, что требование выплаты за моральный вред чрезмерно и необоснованно. Что касается требования, касающегося расходов и издержек, то Правительство его оспаривало, указывая, что заявитель представил счета только на сумму 4189 рублей.

1102. Суд отмечает в первую очередь, что в настоящем деле он установил нарушение статьи 6 § 1 Конвенции в совокупности с ее статьей 6 § 3 (с). Поскольку требование заявителя связано с установлением нарушения, Суд вновь заявляет, что в том случае, когда заявитель был осужден, несмотря на возможное нарушение его прав, гарантированных статьей 6 Конвенции, он должен быть, насколько возможно, поставлен в ситуацию, в которой он бы был, если бы требования этой статьи не игнорировались, и что наиболее подходящим способом исправления в принципе было бы судебное рассмотрение дела *de novo** или возобновление производства по делу, если этого потребуют (см. *Öcalan против Турции* [БП], № 46221/99, § 210 *in fine*, ЕСПЧ 2005-IV и *Попов против России*, № 26853/04, § 264, 13 июля 2006 года). Суд отмечает в этой связи, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса России предусматривает возможность возобновления производства по уголовному делу, если Суд установит нарушение Конвенции (см. выше параграф 35).

1113. Что касается требований заявителя в отношении морального вреда, то Большая палата полностью поддерживает решение Палаты по статье 41 Конвенции: она, таким образом, приходит к решению, что заявителю нанесен моральный вред, который не будет должным образом компенсирован только установлением нарушения. Основываясь на справедливой оценке, она присуждает заявителю за это 2000 евро и 120 евро за расходы и издержки плюс сумму всех налогов, которыми могут облагаться эти средства.

* Заново

1124. В дополнение к этому заявитель представил требование о компенсации расходов и издержек, касающихся рассмотрению дела Большой палатой в сумме 1400 рублей (почтовые расходы) и 750 рублей (расходы на перевод). Он представил документы, подтверждающие его требование. Правительство согласилось с этим требованием. С учетом всех материалов, имеющихся в его распоряжении, Суд, таким образом, присуждает заявителю 54 евро за дополнительные расходы и издержки, понесенные в ходе рассмотрения Большой палатой плюс сумму всех налогов, которыми могут облагаться эти средства

1135. Суд считает нормальным, что неустойка должна основываться на предельной учетной ставке Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

ОСНОВЫВАЯСЬ НА ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклонил* возражения Правительства относительно не исчерпанности;
2. *Присоединил к рассмотрению по существу* предварительные возражения Правительства относительно статуса жертвы заявителя;
3. *Постановил*, что заявитель имеет статус жертвы для целей статьи 34 Конвенции в том, что касается его первоначальной жалобы на предположительно несправедливое судебное разбирательство кассационной жалобы в 2002 году, и отклонил предварительные возражения Правительства на этот счет;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции в совокупности с ее статьей 6 § 3 (с) в рассматриваемом как единое целое судебном разбирательстве, которое закончилось вынесением определения 29 ноября 2007 года;
5. *Постановил*
 - (а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев выплатить заявителю за моральный вред 2000 (две тысячи) евро в переводе в российские рубли по курсу на день выплаты плюс сумму всех возможных налогов;
 - (б) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев выплатить заявителю 174 (сто семьдесят четыре) евро за расходы и

издержки в переводе в российские рубли по курсу на день выплаты плюс сумму всех налогов, которыми может облагаться заявитель;
(с) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до выплаты взимается простой процент на вышеуказанную сумму по ставке, равной предельной учетной ставке Европейского центрального банка в период просрочки платежа, плюс три процентных пункта;

6. *Отклонил* остальные требования справедливой компенсации заявителя.

Совершено на английском и французском языках и предано гласности на публичном слушании 2 ноября 2010 года на основании правила 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Майкл О'Бойл
заместитель секретаря-канцлера

Жан-Поль Коста
Председатель

© Центр содействия международной защите, перевод на русский язык.